

Если бы
смерть спала

ГЛАВА 1

Сказать, что тем майским утром понедельника мы с Вулфом вообще не разговаривали, было бы не совсем точно.

На самом деле накануне ночью у нас произошла любопытная беседа. Итак, примерно в два часа ночи я вернулся домой — в старинный особняк из бурого песчаника, где жили Вулф, Фриц, Теодор и я, — и, к своему удивлению, обнаружил, что Вулф не спит, а читает книгу за письменным столом в кабинете. Когда я вошел, Вулф наградил меня таким взглядом, что мне сразу стало понятно: его явно что-то гложет. Я решил, что Вулфу просто не нравится книга, и спокойно направился к сейфу, чтобы проверить, хорошо ли тот заперт, но тут он рывкнул мне в спину:

— Ну и где ты болтался?

— На каком основании я должен перед вами отчитываться? — обиделся я.

Вулф рассвирепел:

— Мне следовало спросить, где тебя не было. Мисс Роуэн уже пять раз звонила. Первый раз вскоре после восьми, а последний — полчаса назад. Если бы я лег спать, она в любом случае не дала бы мне уснуть. Как тебе прекрасно известно, у Фрица сегодня выходной.

— А он разве еще не вернулся?

— Вернулся. Но Фрицу утром готовить завтрак, и я не хотел, чтобы его беспокоили. Ты сказал, что пойдешь с мисс Роуэн в клуб «Фламинго». Но тебя там не было. Она уже пять раз звонила. В результате это я, а не ты провел с ней вечер, что отнюдь не доставило мне удовольствия. Ну как, достаточно серьезное основание?

— Нет, сэр. — Я остановился у письменного стола Вулфа, глядя на него сверху вниз. — По крайней мере, не для того, чтобы требовать у меня объяснений, где я был. А что, если попробовать еще раз? Я выйду и снова войду, а вы скажете, что не любите, когда вас отвлекают от чтения, да и вообще, мне следовало поставить вас в известность о своих планах проучить мисс Роуэн, хотя вы и не сомневаетесь, что у меня была веская причина. Ну а я вам отвечу: мне очень жаль, но когда я уходил, то еще не знал, что придется проучить мисс Роуэн. Я узнал об этом лишь тогда, когда поднялся на лифте в ее пентхаус и обнаружил там людей, которые, как ей известно, мне категорически не нравятся. Так что давайте не будем. Куда я пошел, не имеет значения, но, если вы настаиваете, могу дать вам номер телефона. Позвоните и попросите миссис Шребенвелдер. Если подойдет ее муж, измените голос и спросите...

— Пф! Мог бы и позвонить.

Что уж там говорить, Вулф был для меня словно открытая книга. И сейчас он вел себя как капризный ребенок, поскольку мой звонок с сообщением об изменении программы на вечер не помешал бы Лили Роуэн и дальше отвлекать Вулфа от чтения. Конечно, нехорошо бить лежачего, но, проучив Лили, я решил заодно преподать урок и Вулфу, что с успехом и сделал. Хотя, возможно, слегка перестарался. По крайней

мере, когда я выходил из кабинета, чтобы подняться к себе, мы не пожелали друг другу спокойной ночи.

Впрочем, было бы неверно сказать, что в понедельник мы с Вулфом совсем не разговаривали. Когда в одиннадцать часов он спустился из оранжереи, я вполне отчетливо поздоровался, на что Вулф, направлявшийся к своему письменному столу, пробормотал нечто невнятное в ответ. И к тому времени, как в полдень, согласно предварительной договоренности, к нам явился Отис Джаррелл, мы с Вулфом обменялись, дай бог, двадцатью словами, ну, может, чуть больше. Если мне не изменяет память, Вулф поинтересовался нашим банковским балансом, и я ему ответил. Однако, когда я, услышав звонок в дверь, провел Отиса Джаррелла в кабинет и усадил в красное кожаное кресло возле письменного стола Вулфа, обстановка там оставалась более чем прохладной.

— Итак, сэр, что у вас за проблема? — Вулф наградил посетителя ослепительной улыбкой.

Вулфу отнюдь не свойственно столь экспансивное проявление чувств. Представление было рассчитано лично на меня. Он явно хотел продемонстрировать тот факт, что пребывает в отличном расположении духа, а если по отношению ко мне и проявляет некоторую сдержанность, то это объясняется моим неподобающим поведением накануне вечером, однако на моем фоне ему даже приятно пообщаться с другим человеческим существом, способным оценить вежливое обращение.

Вулф знал, что это человеческое существо, а именно Отис Джаррелл, имело лишь одно явное достоинство: его состояние оценивалось более чем в тридцать миллионов долларов. Наводя справки об Отисе Джаррелле, перед тем как назначить ему встречу с Ниро Вул-

фом, я выяснил, среди прочего, что Джаррелл несколько расплывчато охарактеризовал себя в «Кто есть кто» как «капиталиста», что офис капиталиста находится в его доме на Пятой авеню в районе Семидесятых улиц, что ему пятьдесят три года, что за ним укрепилась репутация крутого бизнесмена, который даже во сне мог учуять возможность получить прибыль — это я узнал из телефонного разговора с Лоном Козном из «Газетт», — и что он никогда не сидел в тюрьме.

Впрочем, Джаррелл выглядел скорее не крутым, а мягкотелым, что, естественно, еще ни о чем не говорило. У самого крутого парня, которого я когда-либо видел, были такие обвисшие щеки, что вполне поместились бы в бюстгальтер. У Джаррелла щеки все-таки были не столь пухлыми, но уже начали заметно обвисать. И хотя портной, наверняка запросивший за коричневый костюм в едва заметную блестящую полоску триста, а может и четыреста, баксов, постарался на славу, когда наш посетитель опустился в кресло, штаны опасно натянулись от избытка плоти.

Однако к Ниро Вулфу нашего капиталиста привела совсем другая проблема. Устремив острый взгляд карих глаз на широкое лицо Вулфа, он сказал:

— Я хочу нанять вас для решения конфиденциального дела. Сугубо конфиденциального. Мне известна ваша репутация и репутация вашего помощника Гудвина, иначе меня бы здесь не было. Но, прежде чем я посвящу вас в суть проблемы, вы оба должны дать слово держать рот на замке.

— Мой дорогой сэр, — Вулф, который по-прежнему демонстрировал мне, что готов проявлять дружелюбие лишь по отношению к тому, кто этого заслуживает, решил проявить снисходительность, — вы не можете требовать от меня, чтобы я согласился на работу, не зная, в чем она заключается. По вашим словам,

вам известна моя репутация, а значит, вас устраивает мое умение действовать скрытно, ведь в противном случае вас бы тут не было. Если речь не идет о тяжком преступлении, я умею хранить секреты даже тогда, когда не принимаю участия в деле. Так же как и мистер Гудвин.

Джаррелл бросил на меня быстрый взгляд. Я продолжал держаться индифферентно.

Тогда он снова повернулся к Вулфу.

— Вот это наверняка поможет делу. — Сунув руку в карман, Джаррелл вытащил оттуда коричневый конверт, из которого извлек толстую пачку ассигнаций, запечатанную бумажной лентой, после чего швырнул деньги на письменный стол Вулфа, поискал глазами мусорную корзину и, не обнаружив ее, кинул конверт на пол. — Здесь десять тысяч долларов. Это предварительный гонорар. Если я выпишу вам чек, об этом могут пронюхать. Возможно, кто-то нежелательный для меня. Деньги отнесены на издержки без упоминания вашего имени. Расписка не требуется.

Это, конечно, было не слишком законно, но человек слаб, а не облагаемые налогом доходы куда привлекательнее, чем доходы за вычетом налогов. Мне показалось, что Вулф едва заметно пошевелил пальцами, хотя, быть может, я возвожу на него напраслину под влиянием нашей размолвки.

— Лично я привык расписываться за все полученные средства, — сухо произнес Вулф. — Итак, что именно я должен для вас сделать?

Джаррелл открыл рот, потом закрыл его и наконец решил:

— Я хочу, чтобы вы помогли мне избавиться от змеи в собственном доме. — Он сжал руку в кулак. — Речь идет о моей невестке. Жене сына. Но все должно быть исключительно конфиденциально. Вы должны

собрать доказательства того, что она сделала. А у меня нет сомнений, что она это сделала. И тогда ей придется уйти! — Разжав кулак, он выразительно взмахнул рукой. — Вы получите доказательство, а уж я постараюсь найти, как его использовать! Мой сын с ней разведется. Ему придется. Все, что мне нужно...

Но Вулф его прервал:

— С вашего позволения, мистер Джаррелл, вам придется обратиться к кому-нибудь другому. Я не занимаюсь супружескими неурядицами.

— Это не супружеские неурядицы. Она моя невестка.

— Вы говорили о разводе. А развод — это сугубо семейное дело. Вам нужны доказательства для развода. — Вулф ткнул пальцем в пачку банкнот. — А с таким мощным стимулом вы его получите. Существует искомое доказательство или нет.

— Вы меня не так поняли, — покачал головой Джаррелл. — Сперва послушайте, что я о ней расскажу. Она змея. Она плохая жена. Я уверен, она изменяет моему сыну, но это лишь полбеды. Она обманывает и меня тоже. Хочу объяснить вам, как построена моя работа. Офис находится у меня дома. Секретарь и стенографистка живут там же. А еще моя жена, дочь, брат жены, сын и невестка. Я покупаю и продаю. Покупаю и продаю что угодно: от конюшни с лошадьми и до корпорации с дефицитом бюджетных средств. Все, что мне нужно, — это наличные, а у меня их много. Об этом все знают, от Рима до Гонолулу, поэтому офис мне без надобности. Если у вас есть кто-нибудь на примете, кому нужны деньги и у кого есть хоть что-то, что стоит денег, можете смело направлять его ко мне.

— Непременно. — Вулф по-прежнему разыгрывал для меня спектакль, а потому демонстрировал показное терпение. — А как насчет вашей невестки?

— Как раз о ней и идет речь. В прошлом году у меня сорвались три сделки по вине людей, которым явно было известно о моих планах. Полагаю, они получили эту информацию от нее. Я точно не знаю, как именно она раздобыла информацию — и, помимо всего прочего, вам придется это выяснить, — но одну сделку у меня перехватил человек по фамилии Бригам. Кори Бригам. Я уверен, она ему помогает, но у меня нет доказательств. Если хотите назвать это супружескими неурядицами, ваше право, но это не мои супружеские неурядицы. У меня есть своя причина для супружеских неурядиц, ее зовут Трелла, но с ней я способен и сам разобраться. Тут вот такая проблема. Моя невестка превращает мой дом в настоящую психушку или, по крайней мере, старается превратить. Она пытается им завладеть. Она, конечно, делает все исподволь, но я-то знаю, что ей нужно. И хочу, чтобы духу ее рядом не было.

— Так за чем же дело стало? Разве это не ваш дом?

— Это не дом, а квартира. Пентхаус. Дуплекс. Двадцать комнат. Владелец я. Если я выставлю невестку вон, мой сын тоже уйдет, чего я категорически не желаю. В том-то и проблема. Невестка встает между мной и сыном. Я не в силах этому помешать. Говорю вам, она настоящая змея. Вы тут сказали, что с таким мощным стимулом, — он показал на толстую пачку денег, — я могу получить все доказательства для развода. Но вы ее не знаете. Она скользкая как уж. Обычному человеку с ней не справиться. Тут нужна личность вашего масштаба, с вашими способностями. — Он поглядел на меня. — Или с такими, как у Арчи Гудвина. Ведь я слышан о репутации мистера Гудвина. На самом деле я пришел к вам, имея особые виды на мистера Гудвина. Хотите послушать?

— Сомневаюсь, что вам стоит утруждать себя. Ведь вы, собственно, охотитесь за доказательствами, необходимыми для развода.

— Я уже говорил вам, на кого охочусь. На эту змею. А теперь о Гудвине. Да, я сказал, что у меня есть секретарь. Но теперь уже нет. Я уволил его неделю назад. Речь идет об одной из последних сделок, с которой я пролетел. Я заподозрил секретаря в раскрытии инсайдерской информации и уволил его. Так что...

— Мне казалось, вы подозревали вашу невестку.

— Подозревал. И продолжаю подозревать. Вы ведь не станете отрицать, что можно подозревать двух лиц одновременно. Только не вы. Место секретаря свободно. Вот я и подумал, почему бы Гудвину его не занять? Он окажется в эпицентре событий, под одной крышей со змеей. И сумеет оценить ее по достоинству. Для этого будет масса возможностей. Уж она постарается. Мой секретарь всегда ел с нами за одним столом. На Гудвина данное правило, естественно, тоже распространится. По-моему, это самый удобный и короткий путь. По крайней мере, для начала. Если у вас нет других обязательств, он мог бы начать сегодня. Прямо сейчас.

Джаррелл не вызывал у меня особой симпатии, и все-таки мне было его жаль. Подобная недалекость не может не вызывать искреннего сочувствия. Если, как он считает, его невестка была скользкой как уж, а он, предположительно, хорошо разбирался в скользких личностях, то, значит, ему крупно не повезло. Да и вообще, сама идея, что Вулф сможет обойтись без меня — начиная с печатания писем и кончая выдворением нежелательных посетителей с применением силы, — казалась до нелепого смехотворной. Мне даже по уик-эндам было не отпроситься. Ну а если добавить к этому установленное Вулфом правило не

шпионить за неверными супругами, что получаем в итоге?

Короче, пока я мысленно жалел капиталиста, Вулф заявил:

— Мистер Джаррелл, вы должны понимать, что мы не можем взять на себя никаких обязательств относительно пребывания мистера Гудвина в вашем доме. Кроме того, Гудвин может понадобиться мне здесь.

— Разумеется. Я понимаю.

— А теперь о том, что касается самой работы. Вы не боитесь, что окружающие догадаются об отсутствии у Гудвина необходимой квалификации?

— Нет, не боюсь. Никто не догадается. Даже мисс Кент, моя стенографистка. Ни один секретарь не знал, в чем заключаются его обязанности, пока я не вводил его в курс дела. Но вот одну деталь нужно хорошенько обдумать. Фамилия. Конечно, фамилия Гудвин не так широко известна, как ваша, мистер Вулф, но ее тоже многие знают. Ему придется взять другую фамилию.

Я уже успел достаточно опомниться, чтобы обрести дар речи. Вулф, без сомнения, предвидел, что, достигнутый врасплох, я начну громко протестовать, тем самым позволив ему выйти из затруднительного положения, но тут его опять же, без сомнения, ждало разочарование. Должен признаться, что после той встряски, которую он мне устроил, я испытал огромное облегчение, когда сумел ответить недрогнувшим голосом:

— Относительно другой фамилии, мистер Джаррелл. — Мои слова были обращены не к Вулфу, а исключительно к нашему посетителю. — Мне, само собой, придется взять с собой кое-какой багаж. Возможно, весьма внушительный, ведь я могу пробыть у вас сколько угодно долго. Но на моих чемоданах стоят мои инициалы. Обычная проблема. А. Г. Давайте-ка поглядим. Как насчет Абрахама Голдстайна?

— Я так не думаю. — Джаррелл задумчиво пожевал губами. — Нет. Лично я не имею ничего против евреев, особенно когда им нужны деньги, но вы не похожи на еврея. Ни капельки.

— Ладно. Тогда еще одна попытка. Полагаю, вы правы. Имя должно подходить. А как вам нравится Адонис Гилфойл?

Джаррелл захихикал, а затем, откинув голову назад, зычно расхохотался. После чего еще раз хихикнул и произнес:

— Учтите, у меня тоже есть чувство юмора. Поэтому, мистер Гудвин, я способен по достоинству оценить и ваше. Можете не сомневаться. Мы с вами поладим. А теперь дайте-ка я попробую. Буква «А». Алан? Нормально. «Г». Грин? Почему бы и нет? Алан Грин.

— Договорились. — Я встал с кресла. — Имя, конечно, не слишком колоритное, но на худой конец сойдет. Но мне нужно время, чтобы собрать вещи. Минут пятнадцать-двадцать. — Я направился к двери.

— Арчи! Сядь на место!

Итак, несмотря ни на что, первый раунд был за мной. Вулф владел этим домом и всем, что там находилось, за исключением мебели в моей спальне. Он был моим боссом и платил мне зарплату. Его вес превышал мои скромные 178 фунтов на целых сто фунтов. Кресло, с которого я только что поднялся, стоило 139 долларов 95 центов, а его огромное кресло, сделанное из бразильского вяза по спецзаказу, обошлось в 650 долларов. Мы оба имели лицензии частного детектива, но он был гением, а я — всего лишь рядовым оперативником. Он мог с помощью Фрица или без него, не моргнув глазом, приготовить венок утки с рисом по-нормандски, а я даже яйца пашот толком не мог сварить. В оранжерее на крыше дома Вулфа насчитывалось не менее десяти тысяч орхидей, а у меня на

подоконнике росла одна-единственная африканская фиалка, да и то какая-то чахлая. И так далее и тому подобное.

И вот наконец мне удалось его побить. Он ждал, что я запрошу пощады, но в результате попал впросак, и теперь, чтобы выпутаться из ситуации, ему вместо утки с рисом по-нормандски пришлось съесть дохлую ворону.

Я посмотрел на Вулфа и любезно спросил:

— В чем дело? Вас чем-то не устраивает имя Алан Грин?

— Вздор! Я не давал тебе указаний соглашаться на предложение мистера Джаррелла.

— Нет. Но вы ясно показали, что не возражаете. Очень ясно.

— Я собирался обсудить это с тобой.

— Да, сэр. Мы совещаемся. Пункты для обсуждения. Вы хотите внести предложения насчет имени Алан Грин? И может, прежде чем я отправлюсь туда, вам стоит проинструктировать меня прямо здесь, чтобы я мог все записать в блокнот? Думаю, это будет не вредно.

— Значит... — начал Вулф и осекся.

Скорее всего, он прикусил язык, собираясь сказать: «Значит, ты собираешься и дальше паясничать» или что-нибудь в том же роде, но ведь он чертовски хорошо знал, что сам напросился. Вы можете подумать, будто присутствие толстой пачки банкнот сыграло определенную роль, но сомневаюсь, что для Вулфа это было определяющим фактором. На моих глазах он дал от ворот поворот не одному мужу и не одной жене, которые предлагали куда более увесистые пачки наличных, чем эта, лишь бы он помог им избавиться от райского блаженства, обернувшегося кошмаром. Нет. Вулф знал, что проиграл этот раунд, и он знал, что я знаю,

но не желал в этом сознаваться в присутствии постороннего.

— Очень хорошо. — Отодвинув кресло, он встал и повернулся к Джарреллу. — Прошу меня извинить. Гудвин скажет, какая информация ему необходима.

С этими словами Вулф обошел красное кожаное кресло и вышел из кабинета.

Я сел за свой письменный стол и достал ручку с блокнотом:

— В первую очередь мне нужны все имена, если не возражаете.

ГЛАВА 2

Не могу поручиться, что сумею помочь вам освоиться в том пентхаусе на Пятой авеню, поскольку мне самому так и не удалось изучить его до конца. На третий день я решил, что над проектом работали два разных архитектора, которые друг с другом не разговаривали. По словам Джаррелла, в доме насчитывалось двадцать комнат, но я думаю, комнат было семнадцать, или девятнадцать, или двадцать одна, или двадцать три. Но вот точно двадцать у меня никак не получалось. И вообще это был не дуплекс, а триплекс. Дворецкий Стек, экономка миссис Латэм и две горничные — Роуз и Фрида — спали на нижнем этаже, который, похоже, вообще не учитывался. Кухарка и водитель были приходящими.

Записав все эти сведения в блокнот и заполнив десять страниц другой информацией об Уаймене и Лоис, сыне и дочери Джаррелла от первой жены, скончавшейся много лет назад, я решил, что все комнаты оформлены в разном стиле, поскольку к этому приложили руку как Джаррелл с первой женой, так и его нынеш-

няя супруга Трелла. Однако уже на второй день Роджер Фут, брат Треллы, меня просветил. Все дело было в декораторах. В оформлении дома приняли участие человек восемь, не меньше. Как только Джаррелла что-то начинало не устраивать, он менял декоратора. Что, естественно, вносило определенный вклад в общий сумбур. Гостиную размером с площадку для бадминтона, которую с легкой руки одного из приглашенных специалистов называли комнатой отдыха, оформили в стиле модерн с преобладанием чугуна: кованые рамы стульев, диванов, зеркал, кованая решетка камина, отделанного белой кафельной плиткой, кованые столики со стеклянными столешницами. А вот столовая, отделенная от гостиной лишь аркой, была выполнена в мавританском стиле. Сама арка представляла собой кошмарный ужас, тяжелый случай раздвоения личности. Для оформления боковой террасы, на которую имелся выход из столовой, также использовали мавританский стиль: с украшенными мозаикой кадками, ящиками для цветов и столешницами. Столовая располагалась на первом этаже пентхауса, или на десятом этаже многоквартирного дома. Большая передняя терраса с выходом на нее из гостиной и холла была олицетворением передовых технологий фирмы «Дюпон». Столики из цельного куска красного дерева, стулья из хромированного металла с плетеными пластиковыми сиденьями. В понедельник, по прибытии, я увидел на террасе огромные деревянные кадки с розовым деревом в цвету, но в среду, заскочив в гостиную пропустить стаканчик, вместо дерена обнаружил усыпанные бутонами рододендроны. Мне невольно пришло на ум саркастическое замечание, некогда брошенное Джорджем Кауфманом Моссу Харту: «Это всего лишь показывает, что мог бы сотворить Бог, будь у него деньги».

Кабинет Джаррелла, который назывался библиотекой, также находился на первом этаже. Когда в понедельник днем мы с мистером Джарреллом приехали к нему, то буквально с порога он провел меня в кабинет, поручив заботу о моем багаже Стеку, своему дворецкому. Кабинет оказался просторной квадратной комнатой с окнами на одну сторону, куда в свое время, похоже, не допустили декораторов. В кабинете было три письменных стола: большой, средний и маленький. На большом столе стояли четыре телефонных аппарата: красный, желтый, белый и черный; на среднем столе — три: красный, белый и черный, а на маленьком столе — только два: белый и черный. Одну стену целиком занимали стальные картотечные шкафы в человеческий рост, а другую — книжные полки, заваленные книгами и журналами. Уже позже я обнаружил, что литература была сплошь деловая: от «Доходности устриц» и до «Каталога североамериканских корпораций» за последние двадцать лет. У четвертой стены, имевшей три двери, стояли два больших сейфа, стол, заваленный периодикой — также сугубо деловой, — и холодильник.

Джаррелл подвел меня к маленькому столу, размером примерно с мой в доме у Вулфа, и сказал:

— Нора, это Алан Грин, мой секретарь. Ты должна помочь ввести его в курс дела.

Нора Кент, сидевшая за маленьким столом, откинула голову, устремив на меня взгляд серых глаз. Она явно выглядела моложе своих сорока семи лет, указанных в моем блокноте, несмотря на проглядывавшую в мягких каштановых волосах седину. Стенографистка, которая вот уже двадцать два года проработала у Джаррелла, показалась мне компетентной, надежной и смышленной. Впрочем, то же самое было написано

Содержание

ЕСЛИ БЫ СМЕРТЬ СПАЛА

Перевод О. Александровой 5

ЧЕТВЕРО ДОЛЖНЫ УЙТИ

Перевод А. Санина

Рождественская вечеринка 231

Пасхальный парад 308

Праздничный пикник 365

Убийство — не шутка 415